

бой, другие – что его убили. И. Лысцов относился к последним. В книге он называет убийц. По его мнению, в драматической поэме «Страна негодяев» С. Есенин вывел гротескный образ Лейбмана-Чекистова – пародию на Троцкого. Последний приказал уничтожить Есенина. И. Лысцов пишет: «Я высказываю здесь свою собственную версию» и требует повторить расследование обстоятельств гибели С. Есенина. Сам он, особенно в молодости, был похож на С. Есенина: такие же жёлтые волосы, синие глаза, доброта к людям и непримиримость к врагам. Как и у того, у него не было высоких литературных званий и орденов.

«Убийство Есенина» стала итоговой книгой И. Лысцова, в которой он прозрел свою судьбу. 24 апреля 1994 г., в Вербное воскресенье, ему по телефону назначили встречу в парке Олимпийской деревни. Оттуда поэт не вернулся, тело нашли в пруду. Посчитали, что это – несчастный случай. Не были приняты во внимание угрожающие звонки, что на лбу была синяя полоса от удара тяжёлым предметом, что в лёгких не было воды. Следствие не заинтересовал и тот факт, что в день гибели кто-то вскрыл квартиру поэта и поджёг стеллаж с книгами и рукописями. Газеты «Русский вестник» и «Будущее России» писали в некрологах, что И. Лысцов был убит накануне презентации книги «Убийство Есенина» в музее им. Островского. Но и это не помогло. Некрологи

были подписаны А. Прохановым, В. Бондаренко, Э. Лимоновым, Д. Дудко... Поэт погиб. На его рабочем столе осталась неоконченная книга переводов стихов дагестанского поэта.

Выпавшее из рук И. Лысцова перо подхватил сын Глеб. Он окончил историко-архивный институт, защитил диссертацию. Как и отец, стал писателем, но прозаиком. Вышел сборник рассказов «Вольный свет», повесть «Солнце – на лето...», за которые он был принят в Союз писателей. Печатался под псевдонимом Гридин – от фамилии двоюродной сестры отца. Его смерть стала для Глеба большой трагедией. Не успел оправиться, как от инсульта умерла мать. 1 декабря 1999 г. он принял решение уйти из жизни, оборвав её в 31 год. Род продолжается через дочь, подрастают внуки. Как писал И. Лысцов: «Пусть умер мой отец. Род матери – живучей // Он в правнуках века переживёт!» Его жизнь началась во время «всемирного раскола» и завершилась при распаде Советского Союза. Именно в Хибинах он «усвоил жизненный устав», позволивший ему достойно прожить жизнь. Его имя навсегда останется в истории культуры г. Кировска как имя человека, не забывшего родные корни, воспевавшего малую родину.

Автор выражает благодарность за предоставление материалов сестре поэта Л.В. Григорьевой и дочери О.И. Токаревой. Фото из архива родственников.

Е.Н. Шталь, г. Кировск

А.Н. Толстой, В.Я. Шшишков и Н.Н. Никитин на Кольском полуострове

*A.N. Tolstoy, V.Ya. Shishkov and N.N. Nikitin
on Kola Peninsula*

The authors discuss the visit of famous Soviet writers A.N. Tolstoy, V.Ya. Shishkov and N.N. Nikitin to the Kola Peninsula in 1933. This event was highlighted in the «Karelo-Murmansky Kray» magazine and the local press. Criticizing the socialist realism as a literary genre is mainly reasonable. However, it is also true that many authors were sincerely interested in development of the Far North.

Сюжеты статей возникают неожиданно. После выступления одного из авторов (Ю.В.) на семинаре, посвящённом 100-летию со дня рождения акад. И. Костова, в Минералогическом музее им. А.Е. Ферсмана в Москве 24 декабря 2013 г. к нему подошла пожилая слушательница и представилась М.А. Лабунцовой, дочерью А.Н. Ла-

бунцова – соратника акад. А.Е. Ферсмана по хибинской эпопее. Надо ли говорить, что разговор за самоваром – в нём приняла активное участие и выросшая на «Тиетте» к.г.-м.н. Е.Б. Халезова – затянулся до глубокого вечера. Она передала для опубликования материалы о родословной матери [Войтеховский Ю.Л. Из истории рода Костылевых

А.Н. Толстой, В.Я. Шишков и Н.Н. Никитин на Кольском полуострове

Слева направо: В.Я. Шишков, неизвестный, А.Н. Толстой, А.Н. Лабунцов, неизвестная, Н.Н. Никитин. 1933 г. Из архива М.А. Лабунцовой. From left to right: V.Ya. Shishkov, unknown, A.N. Tolstoy, A.N. Labuntsov, unknown lady, N.N. Nikitin. 1933. From M.A. Labuntsova's archive.

// Тьетта. 2014. № 1(27). С. 60-63] и фотографию, на которой отец выглядывает из-за плеча известного советского писателя А.Н. Толстого. Советским школьникам хорошо знаком этот хрестоматийный высокий лоб автора «Золотого ключика или приключений Буратино», «Аэлиты» и «Гиперболоида инженера Гарина», романов «Хождение по мукам» и «Пётр Первый». Но кто ещё изображён на снимке?

Шли месяцы. 31 мая 2014 г. после презентации «Тьетты» № 27 в библиотеке им. А.М. Горького в г. Кировске наличие интересной фотографии было вскользь озвучено. Тут же отозвался соавтор этой статьи (Е.Ш.), готовящий фундаментальное справочное издание [Шталь Е.Н. Литературный атлас Хибин // Тьетта. 2013. № 4(26). С. 53-65]: «Должно быть, речь идёт о приезде в Хибин А.Н. Толстого, В.Я. Шишкова и Н.Н. Никитина на Кольский п-ов в 1933 г.» После этого не составило труда найти в Интернете и опознать на фото В.Я. Шишкова и Н.Н. Никитина. Двое неизвестных, вероятно, были из социально активных слоёв населения г. Хибиногорска. Сотрудникам местных музеев следует попытаться установить их имена. Напомним биографии писателей по «Литературному атласу Хибин».

ТОЛСТОЙ Алексей Николаевич (29.12.1882 (10.01.1883)), Николаевск Самарской губ., ныне Пугачёв Саратовской обл. – 23.02.1945, Москва) – прозаик, драматург, академик. Отец – самарский помещик, предводитель дворянства, граф Николай Александрович Толстой (1849-1890). Мать Александра Леонтьевна (урождённая Тургенева, 1854-1906) – литератор (автор романа «Неутомленное сердце», повести «Захолустье», книг для детей) – ушла от мужа, когда Т. ещё не родился, оставив троих детей. Жил Т. с матерью и отчимом Алексеем Аполлоновичем Бостромом (1852-1921), членом земской управы в Николаевске. По данным Бостром был отцом Т. Детство Т. прошло на хуторе Сосновка в имении Бострома. Занимался с домашним учителем, затем поступил в реальное училище в Сызрани. В 1897 семья продала Сосновку и купила дом в Самаре, где Т. окончил реальное училище в 1901. Уехал в Петербург, где поступил на механическое отделение Технологического ин-та. Во время русской революции 1905 вузы были закрыты, и Т. уехал в Дрезден, где год учился в политехническом ин-те. Летом 1906 вернулся в Самару, где в это время внезапно умерла от менингита мать. Т. снова уезжает в Петербург, чтобы продолжить учёбу в ин-те, но его так и не

закончил. Во время I мировой войны был военкором газеты «Русские ведомости». «Физически возненавидев большевиков», – как писал сам Т., в 1918 уехал с семьёй на Украину, жил в Одессе. В 1919 уехал в Париж, где написал первый роман трилогии «Хождение по мукам» («Сёстры»), повести «Детство Никиты», «Приключения Никиты Рощина». Увлечение писательством пришло под влиянием матери. Осенью 1921 переехал в Берлин, где написаны фант. роман «Аэлита» (1922), повести «Чёрная пятница», «Убийство Антуана Риво», «Рукопись, найденная под кроватью». Вернулся в Россию 1.08.1923. Опубликовал фант. роман «Гиперболоид инженера Гарина» (1925-1926, не окончен), повесть «Эмигранты» (1931, первоначальное название «Чёрное золото»), роман «Пётр Первый» (не окончен; Сталинская премия I ст., 1941). В повести «Хлеб» («Оборона Царицына») (1937) выпячивалась роль Сталина (первый вариант завернула цензура из-за преувеличения роли Л.Д. Троцкого в период Брестского мира). Вся трилогия «Хождение по мукам», которую Т. неоднократно переделывал в угоду социальному заказу, удостоена Сталинской премии I ст. (1943). Премии удостоена и пьеса «Иван Грозный» (Сталинская премия I ст., 1946). Произведения Т. неоднократно экранизировались. Вместе с Н.Н. Никитиным, В.Я. Шишковым написал «Открытое письмо, направленное общественности Хибинского края» (ХР, 2.09.1932; отрывок опубл. в книге: «Хибинские клады: Воспоминания ветеранов освоения Севера» / Сост. Г.И. Раков. Л.: Лениздат, 1972. С. 78). 21 августа 1933 Т. вместе с четырьмя другими писателями выехал в Кандалакшу по приглашению ЭПРОНа. Должен был состояться подъём ледокольного парохода «Садко», затонувшего в 1916 на глубине 35 м в Кандалакшском заливе. Но подъём затягивался (судно поднимут 15.10.1933) и Т. с В.Я. Шишковым и Н.Н. Никитиным в конце августа решил посетить Хибин. По материалам поездки Т. написал очерк «Новый материк» (Известия, 29-30.09.1933). Он неоднократно перепечатывался (Толстой А. Публицистика. М.: Сов. Россия, 1975. С. 58-72; То же // Толстой А. Новый материк. М.: Сов. Россия, 1982. С. 48-61; То же // Пульс Хибин: Сб. / Сост. Б.Н. Никольский, Ю.А. Помпеев. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 67-75, сокр.), но не включался в собр. соч. писателя. В очерке говорится об освоении Хибин, И.Г. Эйхфельде, В.И. Кондрикове, А.Е. Ферсмане (Т. назвал Ферсмана «поэтом камня»). Т. посетил обогащательную фабрику, школу, опытный совхоз, где выращиваются огромных размеров овощи. Т. заманчиво описывает, что ждёт жителей Хибин в

дальнейшем: «Помимо увеличения урожайности – суперфосфаты вообще поднимают питательные качества пищевых продуктов. Акад. Ферсман (за ужином на горной станции), показывая местную редиску величиной с крымское яблоко, сообщает любопытные данные: когда будут пущены в ход все три обогащательные фабрики Хибинского края с намеченной продукцией в 3 млн. т. в год, каждый гражданин СССР с каждым кусочком пищи будет поглощать десять квадриллионов (единица с девятнадцатью нулями) атомов жизненного фосфора». О Хибинах Т. писал и в письмах. 31.08.1933 он отправил из Хибинского края письмо жене Н.В. Крандиевской (1888-1963): «Тусинька любимая, друг моей жизни, – пишу тебе из фантастического места: в лопарской горной тундре, на берегу озера, в доме горной станции, в 12 верстах от Хибинского края. Здесь мы живём 4-й день (Шишков и Никитин) [...] Приходится ждать [подъёма «Садко»], и мы, чтобы не терять времени напрасно, выехали в Хибин. Здесь изумительно. Сегодня жаркий летний день. Сейчас едем в совхоз, совершенное чудо за Полярным кругом. Впечатлений очень много. И, что интересно, – впечатления многое мне дают для Петра [романа «Пётр Первый», над которым работал Т.] (Толстой А.Н. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985; То же // Переписка А.Н. Толстого: В 2 тт. т. 2. М.: Худ. лит., 1989. С. 175). В письме М. Горькому из Детского Села [Пушкин] от 14.09.1933 Т. передаёт просьбу северян о снабжении их книгами: «Дорогой Алексей Максимович, я только что три недели провёл на Севере (Хибинский край, Нивастрой, Кандалакша, канал). О замечательных впечатлениях расскажу Вам при свидании. Дело вот в чём – повсюду – на стройках, в лагерях, в городках – ужасающий книжный голод, проще говоря – никаких книг нет, какие-то жалкие обрывочки. Книга нигде так не нужна, как на Севере. Первый вопрос у каждого – дайте книг. Мы (Шишков, Никитин и я) ехали целый день на дрезине. Ночью с фонарём подходили начальники станций, – «передайте, чтобы прислали книг». О заведующих клубами и библиотеками и говорить нечего [...]» (Алексей Толстой о литературе. Статьи. Выступления. Письма. М.: Сов. писатель, 1956; То же // Толстой А. Собр. соч.: В 10 тт. т. 10. М.: Худ. лит., 1961. С. 200; То же // Лит. наследство. Т. 70. М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 416; То же // А.Н. Толстой о литературе и искусстве. Очерки. Статьи. Выступления. Беседы. Заметки. Записные книжки. Письма. М.: Сов. писатель, 1984. С. 458-459; То же // Переписка А.Н. Толстого: В 2 тт. т. 2. М.: Худ. лит., 1989.

А.Н. Толстой, В.Я. Шишков и Н.Н. Никитин на Кольском полуострове

С. 176). Цитаты из писем Н.В. Крандиевской, М. Горькому, отрывок из воспоминаний Н.Н. Никитина, где говорится о пребывании Т. в Хибинах, приводит В. Петелин в книге «Алексей Толстой» (М.: Мол. гвардия, 1978. С. 320-322), вышедшей в серии «ЖЗЛ». О Хибинах упоминается и в статье Т. о С.М. Кирове «Русский богатырь» (Правда, 1.12.1939; То же // Сов. Заполярье. Л., 1941. С. 55-61: ил.; То же // О Сергее Кирове: Воспоминания, очерки, статьи современников. М.: Политиздат, 1985. С. 220-223). Из фондов библиотек изымался сб. рассказов Т. «Лихие годы» (1923). Неоднократно издавались собр. соч. Т. В 1981 учреждена лит. премия в области фантастики «Аэлита». Её первыми лауреатами стали А. и Б. Стругацкие (1981). С 2005 проводится межд. лит. конкурс детской и юношеской худож. и научно-популярной литературы им. Т. Награждён орденами Знак Почёта (1939), Трудового Красного Знамени (1943). Т. в образе И.А. Бондаревского изображён в романе М.А. Булгакова «Записки покойника» (др. название «Театральный роман»). Соч.: Смелость, творчество, упорство // ЭПРОН. 1923-1933: Очерки бригады писателей. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. С. 15-22: фот.; Долг писателя // КР. 1935. 2 янв.; Хмурое утро: Отрывок из романа // КР. 1941. 25, 30 мая. Лит.: Семёнов В.П. Алексей Толстой // Вечерний Мурманск. 2004. 3 авг.; Сорокажердье В. «Садко» мы вырвем зубами... // Сорокажердье В. Здесь ясен горизонт... Мурманск, 2007. С. 146-155: фот.

ШИШКОВ Вячеслав Яковлевич (21.09 (3.10).1873, Бежецк Тверской губ. – 6.03.1945, Москва) – прозаик. Отец был владельцем небольшой лавки, но разорился. Ш. окончил 6 классов городского училища в Бежецке (1887) и Вышневолоцкое техническо-строительное училище (1892). Во время двухгодичной обязательной практики участвовал в инженерно-изыскательских работах в Новгородской и Вологодской губ. В 1894 по собственному почину поехал в Томск, где 2 года работал техником в партии по обследованию р. Обь. С 1899 возглавлял партии по обследованию сибирских рек: Чулыма, Иртыша, Енисея, Лены... Много интересных наблюдений дали Ш. жизнь в Якутске и работа начальником партии по изучению Чуйского тракта. В 1911 участвовал в экспедиции на Н. Тунгуску, записывал песни и былины. В 1915 переехал в Петроград, где работал в М-ве путей сообщения. Публикуется с 1909, с 1917 стал заниматься исключительно литературой. Опубликовал повести «Тайга» (1916), «Вагага» (1924), «Пейпус-озеро» (1925), «Свежий ветер».

Ряд отрицательных откликов вызвала повесть «Дикольче» (Звезда, 1929, № 1. С. 77-136). Ш. осмелился показать, что те, кого называют «кулаками», работающие и ответственные люди. Бедняк Денис Кольченогов (Дикольче) и зажиточный мужик Ксенофонт Ногов меняются домами и землями, заключая договор при многочисленных свидетелях. Ксенофонт утверждает, что главное в человеке – не обладание имуществом и богатством, а умение работать и организационные способности. Ногов приводит в порядок запущенную землю Дениса, налаживает хозяйство и вскоре становится зажиточным, а Дикольче довёл доставшееся ему богатое хозяйство до полного упадка, что и засвидетельствовал крестьянский сход. В преддверии начинающейся коллективизации появление такого произведения было признано вредным. На повесть обрушились М.Г. Майзель в книге «Вячеслав Шишков» (1935), М. Гельфанд «Повесть о святом кулаке» (Комс. правда, 27.03.1929) и др. Повесть на долгое время была запрещена и не включалась в собр. соч. Ш. Только в 1981 тиражом 5000 она была напечатана в Новосибирске. В годы перестройки опубликована в книге Ш. «Пейпус-озеро» (1985). Находился под запретом и «шутейный рассказ» «Цензура» (Бегемот, 1926, № 14. С. 12), в котором Ш. высмеивал надуманные запреты. Зам. зав. культпропом ЦК ВКП(б) А. Гусев в докладной записке в адрес оргбюро ЦК о состоянии сов. лит. журналов 01.01.1932 обрутал один из рассказов Ш.: «Глупейший рассказ помещён также в № 4 [журнала «Пролетарский авангард», 1931] В. Шишкова «Поединок» из «Повести о Касьяне», в котором показано соц[иалистическое] соревнование... человека с машиной» (Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917-1956 / Сост. Л.В. Максименков. М.: Межд. фонд «Демократия»; Материк, 2005. С. 217). Ш. известен романами «Угрюм-река» (1933; снят одноимён. телесериал, 1968, реж. Я. Лапшин; создана опера, 1955, муз. Д. Френкеля) и «Емельян Пугачёв» (Сталинская премия I ст., 1943-1944). В театрах ставились пьесы Ш. «Мужичок» (1920), «Старый мир» (1920), «Вихрь» (1922), инсценировки «Угрюм-реки». Ш. вместе с Н.Н. Никитиным и А.Н. Толстым написали «Открытое письмо, направленное общественности Хибинского края» (ХР, 2.09.1932; То же [отрывок] // Хибинские клады: Воспоминания ветеранов освоения Севера / Сост. Г.И. Раков. Л.: Лениздат, 1972. С. 78). В 1933 Ш. ездил с группой писателей (Б.А. Пильняком, И.С. Соколовым-Микитовым, Е.М. Тагер, А.Н. Толстым и Н.Н. Никитиным) в Кандалакшу, где со дна залива Белого моря должны были

поднять ледокольный пароход «Садко». Написал очерк «"Садко" – гость советский» (1934) (ЭПРОН. 1923-1933: Очерки бригады писателей. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. С. 46-109: фот.; То же // Шишков В. Неопубликованные произведения. Воспоминания о В.Я. Шишкове. Письма. Л.: Журнально-газетное и кн. изд-во, 1956. С. 33-65). В очерке говорится: «И.С. Соколов-Микитов пока что пригласил нас к себе, он вместе с полярником-художником Н.В. Пинегиным устроились в чистом домике у корелки, вблизи пристани. Версты две шагали новым посёлком строящегося Химкомбината (будет работать на полуфабрикатах из Хибиногорска). Дальше безобразная, усеянная валунами дорога тянется через старый железно-дорожный посёлок с лачугами, бараками [...]» (с. 50). В очерке Ш. касается и с.х. на Севере. Он отмечает, что полярный день, когда солнце не сходит с горизонта, вреден для овощей (картофель, репа, брюква, свёкла), т.к. в это время растёт не корень, а стебель. Для овощей нужно создавать на время искусственную ночь, накрывать брезентом или рогожей: «И только морковь, наоборот, лучше развивается при длинном дне. Эти особенности огородничества я узнал при посещении Полярного отделения Всесоюзного института растениеводства (за Хибиногорском)» (с. 83). Пребывание в Хибиногорске отметил Ш. и в «Автобиографии» (Шишков В. Неопубликованные произведения. Воспоминания о В.Я. Шишкове. Письма. Л.: Журнально-газетное и кн. изд-во, 1956. С. 7-10; То же // Шишков В. Мой творческий опыт. М.: Сов. Россия, 1979; То же // Шишков В. Пейпус-озеро: Роман, повести, рассказы, воспоминания, автобиография. М.: Современник, 1985. С. 518-521): «Некоторое время жил в Хибиногорске, наблюдал работу в рудниках». В письме М. Горькому (21.12.1933 из Детского Села [ныне Пушкин]) Ш. писал: «Был в Хибиногорске, в Нивострое, в заполярных совхозах, в лисятнике канадских лисиц (написал о зверьках очерк) и проехал по велико-лепному Беломорско-Балт[ийскому] каналу [...]. Я бы советовал приехать Вам в Хибиногорск, удивительной красоты там природа и климат для лёгких целителей. В горной станции Академии наук можно устроиться с относительным комфортом» (Шишков В. Неопубликованные произведения. Воспоминания о В.Я. Шишкове. Письма. Л.: Журнально-газетное и кн. изд-во, 1956. С. 277). Зарисовка Ш. о Хибинах, написанная 18.02.1934 по просьбе литературоведа, проф. П. Богословского (1890-1966), хранится в Пермском гос. обл. архиве. Она опубликована Л. Капихиным под названием «Из поездки за Полярный круг в августе

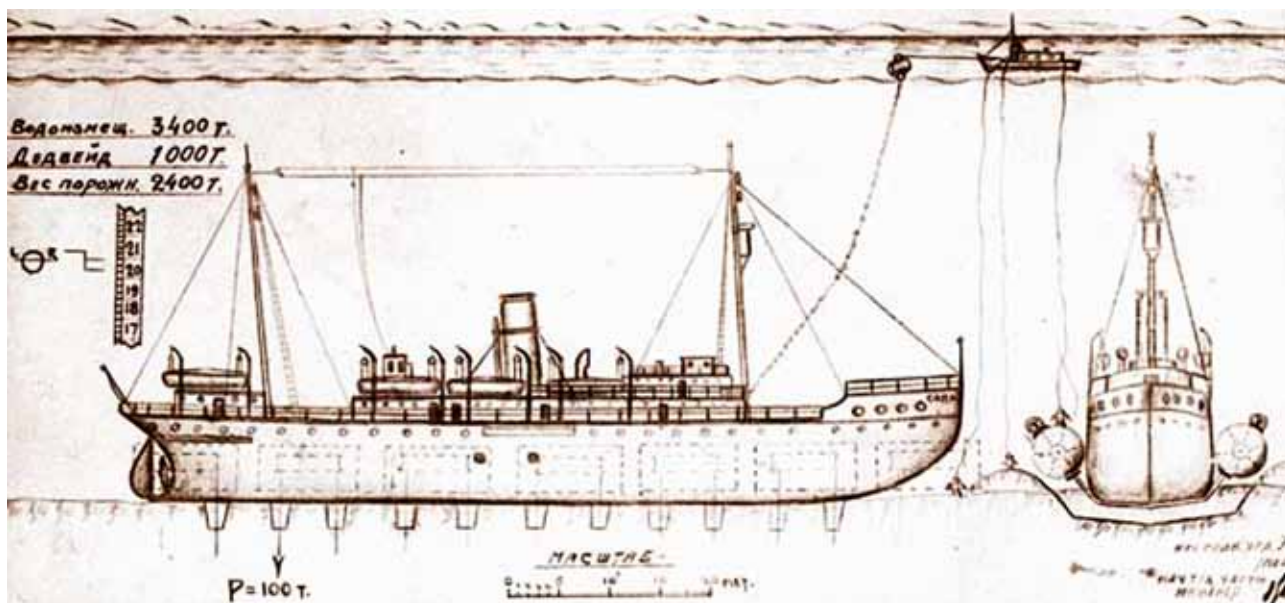
– сентябре 1933 г.» (Лит. Россия, 28.06.1974). В заметке говорится о посещении ПОВИРа и встрече с И.Г. Эйхфельдом. Удивило Ш. то, что на Севере растёт садовая земляника: «Каждая ягодка на учёте, с ярлычком. Иным посетителям дают только понюхать, иным – понюхать и немножечко лизнуть, а мне и А.Н. Толстому дали по ягодке в собственность. Причмокивая, мы съели». Поразила Ш. также репа, которая досталась «довольно паршивой с виду собачонке Биле величиной побольше кошки, поменьше зайца. Мы видели собственными глазами, как эта Биля выкопала из земли крупную репу (а репа здесь крупна, ядрёна и сладка) и сожрала с аппетитом до самых стеблей. Мы от удивления сначала разинули рты, потом захохотали». Высоко ценил творчество Ш. К.А. Федин. Н.С. Тихонов писал о Ш.: «Он был настоящий русский самородок. Русский самородок – это явление особое в природе... Среди русских самородков есть такие характеры, которые ставят свой знак мастера на всё сделанное ими, и этот знак сообщает их произведению долгую жизнь. К таким мастерам, по-моему, принадлежал и В.Я. Шишков. Он был верен русскому слову, русской природе, русскому советскому человеку» (Цит. по: Яновский Н.Н. Вячеслав Шишков: Очерк творчества. М.: Худ. лит., 1984. С. 271). Выходили собр. соч. Ш. в 12 тт. (1926-1929), 10 тт. (1974), 8 тт. (1960-1962; 1983; 1996), 6 тт. (1946-1948), 4 тт. (1958). Награждён орденами Ленина, Знак Почёта, медалями. Лит.: Сорокажердьев В. «"Садко" мы вырвем зубами...» // Сорокажердьев В. Здесь ясен горизонт... Мурманск, 2007. С. 146-155: фот.

НИКИТИН Николай Николаевич (27.07 (8.08).1895, С.-Петербург – 26.03.1963, Ленинград) – прозаик, драматург. Родился в семье ж.д. служащего, мать занималась шитьём. Н. окончил 3-е реальное училище (1914). Два года проучился на филологическом ф-те Петроградского ун-та (1915-1917). Служил в армии (1918-1922, политотдел 5-й стрелковой дивизии 5-го арт. дивизиона). Познакомился с М. Горьким, который положительно оценил творчество Н. С 1923 – профессиональный писатель. Входил в состав лит. группы «Серапионовы братья». Ездил в Германию (май – август 1923), Германию и Францию (июнь – август 1928). С августа 1941 в эвакуации в Кировской обл. Сотрудничал с газетами «Кировская правда», «Гудок», «Комс. правда» и др. В соавторстве с В. Лебедевым выпустил пропагандистские брошюры «Как В.И. Чапаев дрался с немцами» (1941), «Как Ворошилов встретил немцев и как Щорс их проводил» (1941), «Как король Саксонский из-под

А.Н. Толстой, В.Я. Шишков и Н.Н. Никитин на Кольском полуострове

Варшавы удирал» (1941), «Удар Брусилова» (1941), «Как в 1916 г. русские войска прорвали австро-германский фронт» (1942). Избирался депутатом Ленингр. Совета депутатов трудящихся, был членом Правления СП СССР и Правления Ленингр. писательской организации. Много лет состоял членом редколлегии журнала «Звезда». Печатается с 1916. Автор повестей «Рвотный форт» (1922), «Собачий ящик» (1928), «Поговорим о звёздах» (1934), пьес «Линия огня» (1931), «Конкурс хитрецов» (1934), «Баку» (1937; об установлении сов. власти в Азербайджане), «Фирсовы» (1957; о событиях Октябрьской революции в Петрограде)... Н. была задумана повесть о С.М. Кирове, но дальше отрывков дело не пошло. Написал романы «Преступление Кирика Руденко» (1927), «Шпион» (1930), «Это было в Коканде» (1939, первое название «Это началось в Коканде»), «Третья аллея» (не окончен). Самым популярным произведением Н. стал роман «Северная Аврора» (1950; о борьбе молодой сов. республики с англ. интервентами на Мурмане и в Архангельске в 1918-1919 гг.; Сталинская премия II ст., 1950; на основе романа Н. написал пьесу «Северные зори», 1952, поставленную в театрах). По сценарию Н. и Б. Леонидова снят фильм «Парижский сапожник» (1928, реж. Ф. Эрмлер), рассказ Н. о I мировой войне «Могилы Панбурлея» (1924) экранизирован (одноимён. фильм, 1927, реж. Ч. Сабинский). С А.Н. Толстым и В.Я. Шишковым подготовил «Открытое письмо, направленное общественности Хибиногорска» (ХР, 2.09.1932; То же [отрывок] // Хибинские клады: Воспоминания ветеранов освоения Севера

/ Сост. Г.И. Раков. Л.: Лениздат, 1972. С. 78). В 1933 с группой писателей (И.С. Соколов-Микитов, А.Н. Толстой, В.Я. Шишков и др.) ездил в Кандалакшу на подъём ледокольного парохода «Садко», затонувшего 16.07.1916 в Кандалакшском заливе. Написал о подъёме судна очерк «Около "Садко"» (ЭПРОН. 1923-1933: Очерки бригады писателей. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. С. 114-135: фот.). В очерке Н. отмечал: «Сейчас все точки Севера – горы, реки, море, лес – соединяются одной точкой. Хибинские горы дают апатит, апатитовый трест торопит Ниву, порожистая Нива ожидает гидростанцию. Кандалакша ждёт тока для своего Химкомбината, в программу его входит обработка апатитов и нефелина» (с. 115-116). Опубликовал статью о поездках писательских бригад «От Мурманска до Камчатки» (Лит. Ленинград, 5.10.1933). В [воспоминаниях о Толстом А.Н., 1945-1955] Н. писал: «Беломорканал, пристани, шлюзы, капитаны, чекисты, заключённые, консервные фабрики Кандалакши, океанографические станции, совхоз Имандра, опытные полярные поля, Хибинские, рудники, горнорабочие, инженеры, старообрядческие деревни на Выге – всё необходимо ему, кроме водолазов и кроме подъёма парохода, затонувшего ещё в годы первой империалистической войны. Он говорит о горных породах, как металлург, с геологами и с акад. Ферсманом» (1982, с. 263) (Воспоминания об А.Н. Толстом: Сб. / Сост. З.А. Никитина, Л.И. Толстая. М.: Сов. писатель, 1973. 463с.: ил., фот.; То же. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1982. С. 258-267). Воспоминания «А.Н. Толстой» впервые напеча-

Проект подъёма «Садко».

Project of «Sadko» lifting.

ны в журнале «Звезда» (1958, № 1) и вошли в книгу Н. «Поговорим о звёздах» (Л.: Лениздат, 1959). Выходили собр. соч. Н. в 6 тт. (1928-1929) и дважды «Избранное» в 2 тт. (1959; 1968). Из фондов б-к изъяты первые два тома собр. соч. Н. и сборник рассказов и очерков «Лирическая земля» (1927) за «уравнивание» действий «красных» и «белых», упоминание Л.Д. Троцкого. Награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалями. На д. № 28 по ул. Моховой в СПб., где жил Н., установлена мемориальная доска. Когда Дом литераторов в Петрограде в 1921 проводил конкурс молодых писателей, то первую премию присудили К.А. Федину (рассказ «Сад»), вторую – Н. (рассказ «Подвал»), третью – Н.С. Тихонову (рассказ «Сила»). Н. упоминают в письмах Н.Н. Зарудин, Б.А. Пильняк.

Что же происходило в Кандалакшском заливе с 18 сентября по 14 октября, в ожидании какого

события А.Н. Толстой, В.Я. Шишков и Н.Н. Никитин посетили Хибинны? Об этом – очерк А.Н. Толстого «Смелость, творчество, упорство» [Новый материк. М.: Сов. Россия, 1982. С. 43-47].

«Тихий, солнечный день над огромным зеркалом Кандалакшского залива, над сурово-лиловым окаймлением гор. Неподалёку от лесистого островка стоит старый пароход «Декрет», ржавые борта его помяты, в иных местах забиты деревянными пробками. Это – основное орудие производства. «Декрет» отошёл немного в сторону от вещей, указывающих расположение носа и кормы «Садко», лежащего на глубине 35 м. Водолазный катер подведён к борту. Все предварительные работы окончены. Водолазы – на верхней палубе «Декрета». Стучит компрессор, нагнетая по резиновым шлангам последние кубометры воздуха в шесть пар двухсоттонных железных понтонов. На соеди-

Подъём «Садко». Всплытие кормы.

Lifting of «Sadko». Stern surfacing.

А.Н. Толстой, В.Я. Шишков и Н.Н. Никитин на Кольском полуострове

Водолазный бот подошел к «Садко» для заделывания пробоин. Diving boat approached «Sadko» to fill up holes.

няющих каждую пару шести стальных полотенцах лежит, как в люлке, «Садко».

Глаза всех следят за двумя вешками над зеркальной поверхностью моря. Кормовая качнулась и начала подниматься. Пошёл! Вода закипела, это из поднимающихся понтонов вытравливается воздух. Люди придвинулись к борту, на «Декрете» слышен только торопливый стук компрессора. Маленький смуглый Фотий Иванович Крылов – руки в карманах – спокойно улыбается, но в бегающих чёрных зрачках – тревога и бессонница. Фотографы и кино-аппаратчики нацелились объективами на всё шумнее закипающее море. И вот он, долгождан- ный! Со дна близится его огромная тень. С шумом водопада вздымается буропенная гора воды. Из раздавшейся бездны поднимается корма «Садко» в коричневой слизи, – видны палуба и часть надстроек, облепленных красными морскими звёздами, лиловыми медузами, чёрными ракушками.

Происходит то, что и должно было произойти. Здесь вина в неподходящем качестве тросовой стали. Проволочные волокна – слишком жёстки, самый стержень – сердцевина такого каната – также стальной жёсткий (во всех трёх попытках поднять «Садко» расходились в сплеснях тросы именно со стальной сердцевиной, несколько пар канатов с пеньковой сердцевиной прекрасно выдерживали). При сращивании такого жёсткого троса не получалось надлежащего трения между волокнами, и при полной нагрузке достаточно было толчка, чтобы сплесени разошлись.

Такой именно толчок и произошёл 18 сентября при третьей попытке поднять «Садко». Поднявшись над поверхностью, часть корабля взяла массу воды. За несколько мгновений вода не в состоянии вылиться через отверстия шпигатов, через иллюминаторы. Вода, поднимавшаяся над поверхностью, легла добавочным грузом на тысяча

восемьсот тонн «Садко». Под её тяжестью корма снова опускается, и по-видимому этот момент и является роковым толчком. Стропы на кормовых понтонах расходятся в сплеснях, двенадцатая пара понтонов, взмывая две горы воды, вылетает. «Садко» получает новый, ещё продольный толчок, и один за другим с бортов вылетают ещё две пары понтонов. «Садко» идёт на дно и ложится, отклоняясь от прежнего положения.

На борту «Декрета» – молчание. Брови хмурятся. Кое-кто отвернулся, пошел курить. Крылов поднимает плечи, удерживая вздох, – и это всё. Старый «Декрет» качался на волнах. Несколько резиновых шлангов порваны, компрессор ещё работает, и концы их, как змеи, с шипами извиваются по поверхности воды. Проходят минута – две. Никакой команды, никакого шума. Без суеты, будто ничего не произошло чрезвычайного, эпроновцы продолжают прерванную работу. Плывут на лодках к понтонам, медленно уносимым течением отлива. Вытравляют порванные тросы, шланги, концы. Работает лебёдка. Водолазы, спрыгнув на катер, надевают скафандры.

Каких бы это сил и лишений не потребовало – «Садко» должен быть поднят. Большевики не отступают. Была уже глубокая осень. Близилась туманы и снежные бури. Буксирный пароход «Совнарком», помогавший своими мощными помпами, ушёл в Архангельск. В пустынном, студенеющем заливе остался один «Декрет» с проржавленными бортами, на машины его нечего было рассчитывать, и водолазы, обследовав грунт, где в новом положении лежал «Садко», начали вручную – кирками и крючками – пробивать под его днищем каналы для завода стальных полотенец.

По 8 часов водолазы не поднимались на поверхность. Стыла вода, пролетали бури. «Декрет» стонал и метался на волнах. Воля Фотия Крылова; воля всех этих людей была непоколебима. Измучившихся заменяли новыми, снимая их с менее тяжёлых работ в иных местах Союза. Ошибки учтены, все тросы заменены, сплесены на них сплетены и укреплены с особой тщательностью. Стиснув зубы, эпроновцы работали с 18 сентября по 14 октября. И вот подряд: каракумовцы окончили пробег, с московского аэродрома стратостат поднялся за пределы достижений, 15 октября «Садко», покинув подводную могилу, облепленный раковинами и водорослями (в одной из кают нашли дохлого тюленя), был отведен на понтонах к острову на мель для откачки воды.

Это был также один из наших мировых рекордов, потому что никогда и нигде такое большое судно не поднималось таким способом (на

всплывающих понтонах) с такой большой глубины. Это могли сделать только смелость, творчество, упорство. Никогда, ни в одной стране до нынешнего года не считалось возможным работать на глубинах больше 50-60 м. Под огромным давлением внутри скафандра азот воздуха поглощается кровью. У человека, поднятого с большой глубины, кровь как бы закипает, разрываются кровеносные сосуды. Так было.

Этой весной эпроновцы подняли в Финском заливе судно с глубины 100 м. Случилось это без шума, в обыкновенный будничный день. Когда предварительно обсуждали возможность работы человека на таких глубинах, старые водолазы качали головами: «Против природы не попрешь, – нельзя». Но недаром понятие «нельзя» поставлено у нас на подозрение и пересмотр. Фотий Крылов сказал: «Давайте попробуем». Начали с тренировки: под строгим наблюдением врача опускались всё глубже и глубже с каждым днём. Первым пошёл на глубину водолаз тов. Разуваев – крепкий мужчина, выжимающий 14 пудов. Спустившись на палубу, с одной наручной лампочкой, запутался шлангом в разорванных снастях, разбил лампочку и едва не погиб в непроглядной тьме, под тяжестью стометрового слоя воды.

Потом всё усложнялось, пошло привычным порядком. Водолазы надевали скафандры, свинцовые сапоги, вешали пятипудовые свинцовые пластины на грудь и на спину. Тяжело переваливаясь с кормы на ступени железной лестницы, погружались, пустив пузыри из медного шлема и, раскорячась тускнеющей тенью, неслись в чёрную стометровую глубину. Спуск совершался в две с половиной минуты. Работать можно было под чудовищным давлением в скафандрах – в 10 атм. – только четверть часа. Зато на поверхность водолазов поднимали в течение 7 часов, чтобы за этот срок кровь могла освободиться от азота. Поднятых отправляли в камеру с давлением в 2 атм. до окончательного снятия шлема.

Был случай, когда один из водолазов, видимо, чего-то испугавшись, там, на дне, дал торопливый сигнал о поднятии и, не дожидаясь, раздул воздухом скафандр, чтобы выбраться. Его товарищ, видя, что он раздувается, и зная, что быстрый подъём – смерть, схватил его сзади за скафандр и, удерживая, медленно с ним поднимался. Он держал его так под водой несколько часов.

Под водой опасность – на каждом шагу: защемится шланг – прекратится подача воздуха, навалится понтон – придавит к борту, рухнет стальная мачта, обвалится переборка внутри затонувшего корабля, когда водолаз лезет по лестни-

А.Н. Толстой, В.Я. Шишков и Н.Н. Никитин на Кольском полуострове

цам, по переходам в глубину кают или машинного отделения. Нужны быстрая сообразительность, огромное присутствие духа – не растеряться, понять сразу, откуда опасность и как её избежать. В каждом новом случае подъёма затонувшего судна нужны новые приёмы работы, быстрая ориентировка, иногда мгновенное – там же, на глубине – решение, смелость, творчество.

Мы ещё очень мало знаем о героях подводного царства. На всех морях, на всех широтах они копошатся вокруг затонувших стальных чудовищ и, смотришь, один за другим корабли всплывают, входят в доки и под советским флагом снова пенят моря. Послушать рассказы подводников – можно развесить уши. За одним знают грех, что он приловчился спать под водой, – устанет и пристроится где-нибудь между медузами в уголке, всхрапнёт часок, не забывая и во сне вытравливать прикосновением головы к клапану воздуха из шлема.

Другой расскажет, как, прильнув шлемом к оболочке затонувшего судна, услышал оттуда ответное постукивание трёх оставшихся в живых людей. Громче их стучало его сердце. Третий прополз в кают-компанию и запутался шлангом среди привинченных к полу кресел. Сел на корточки – перед носом плавают рыбы, звёзды. Соображал, как он шёл и за что мог задеть, в какую сторону раскручиваться. Сигнал о бедствии подавать не хочется, нашёл ящик с консервами – жалко выпустить из рук. Вы спросите со страхом: «Ну, и как же вы?» – «Да ничего, – ответит, – выпутался. Главное – консервов было жалко».

Расскажут, как одного засосало илом, другого придавило железной мачтой. Третий только поднялся со 100 м, отдышался, стал к телефону, слышит – с товарищем плохо. Снова оделся и нырнул в бездну, где на дне, уйдя руками и ногами в ил, уже без чувств лежал товарищ... «Ну, и что же?» – со страхом спросите вы. «Да ничего, вытащил, выпили коньячку, кофейку...»

Товарищи писатели, поезжайте на подъёмы кораблей. Знакомьтесь ближе с этим замечательным народом. Перед вами раскроется новый мир подлинной романтики».

А вот как описал подготовку к спуску водолазов В.Я. Шишков. «... Вовсю работает компрессор на боте, нагнетая воздух под воду для дыхания водолазов. На телефонах – труженицы-женщины в кожаных штанах, у сигналов на борту бота – молодые люди. Один водолаз давно в воде, пускает с десятисаженной глубины на поверхность пузыри. Другой готовится к спуску. Он надевает шерстяные штаны, фуфайку, две пары носков,

тёплые портянки, сапоги, ему подают скафандр – нечто целое, отлитое из резины, с рукавами, штанами, сапогами. Эти одёжины (рубашки) существуют трёх размеров: первый рост, второй рост, третий рост. Водолаз залезает в беловато-серую одёжину, как акробат в трико, и, ступая важно, подобно статуе командора, подходит к табурету и садится, как на трон. Начинается архиерейское облачение. Морской владыка важно вытягивает обе руки вперёд. Двое бросаются к его рукам, завязывают поручни, натягивают сначала тёплые, затем резиновые рукавицы. Тащат медную манишку с наплечниками, вправляют её за ворот, в испод резинового одеяния просовывают припаянные к манишке многочисленные болты в дыры хомута одежды, накладывают на эти болты и натуго завинчивают гайки. Таким образом, металлическая манишка и резиновая одежда спаиваются воедино, водолаз со скрытыми под резиной медными плечами сразу становится широк корпусом и величав, как монумент. На ноги надевают медные калоши, каждая по полпуда весом. На грудь и спину возлагают, как архиерейские панагии, две свинцовые, висящие на веревках полупудовые бляхи. Облачая, шутят: «Ручку! Ножку! А ну, чихни, мы тебе нос утрём платочком. Ну, брат, ежели тебе в штаны блоха залезла, так и просидит там, пока всю кровь из тебя не высосет. Лицо водолаза чуть краснеет, но выражение его спокойно, уверенно. Сейчас лик морского владыки скроется от взоров: вот торжественно несут медный шлем, как драгоценную митру. Шлем

Вяч. Шишков и А.Н. Толстой беседуют с начальником ЭПРОНа Ф.И. Крыловым. 1933 г. Vyach. Shishkov and A.N. Tolstoy speak with Head of EPRON F.I. Krylov. 1933.

нижним краем с винтовой нарезкой вставляется в кольцо манишки с такой же нарезкой и привинчивается. При последнем обороте зеркальное стекло шлема встает как раз против лица водолаза. По шлему даёт шлепок дружеская рука – дескать, готово. Морской владыка поднимается с трона. В обхват его талии привязывают конец сигнала (пеньковый просмоленный канат), а весь сигнал, сложенный кольцами, лежит возле борта. При сигнале – дежурный, его дело травить канат, то есть отдавать его, когда водолаз того требует, или, наоборот, подтягивать слабину, выбирать из воды. Морской владыка, подобно Геркулесу среди пигмеев, грохоча пудовыми калошами, подходит к лестнице, уходящей с борта в воду...».

15 октября в Москву и Ленинград полетел рапорт. «ЦК ВКП(б): тт. Сталину, Кагановичу. Совнарком СССР: т. Молотову. Наркомвоенмор: т. Ворошилову. Ленинградский обком ВКП(б): т. Кирову. Наркомвод: т. Янсону. Семнадцать лет назад за Полярным кругом в Кандалакшском заливе, наткнувшись на подводные камни и получив огромную пробоину, потонул мощный ледокол «Садко». В течение 17 лет корабль, являвшийся двойником знаменитого краснознамённого «Малыгина», пролежал на дне. Успехи пятилетки, развитие тяжёлой индустрии, освоение новой техники дали возможность предпринять сложнейшую операцию подъёма грандиозного судна со дна залива. ЭПРОН принял почётное задание поднять «Садко» и ввести в состав советского ледокольного флота новую мощную единицу. К подъёму ледокола ЭПРОН приступил, обладая новейшими средствами советской техники, ещё не известными капиталистическому миру и впервые применяющимися в нашей судоподъёмной практике. Подъём «Садко» производился 200-тонными цилиндрическими понтонами, изготовленными отечественными заводами по конструкции корабельного инженера-краснознамёнца т. Бобрицкого. Напряжённо, с большевистским упорством, как учит нас партия, мы осваивали новую технику, порой терпели неудачи, но всегда с новыми силами, соревнуясь, добились успеха.

Конец операции совпал с началом полярной ночи. Работая большевистскими темпами, мы сегодня добились победы и чести рапортовать партии и правительству следующее. Вчера, 14 октября, в 15 час. 28 мин. дня всплыла корма «Садко», и сегодня в 10 час. 30 мин. утра со дна залива поднялся весь корабль. Через четверть часа на «Садко» поднят морской флаг пролетарского государства... Подъёмом «Садко» ЭПРОН закан-

чивает сезон, в течение которого добился следующих успехов: у берегов Шпицбергена поднят «Малыгин», в Финском заливе с рекордной глубины совместно с РККФ поднята подводная лодка № 9, в Ладозском озере поднят озёрный теплоход «Крестинтерн», в Чёрном море спасён «Харьков» и поднят пароход «Потёмкин», у берегов Норвегии спасён пароход «Кола», в Белом море спасён терпевший бедствие, считавшийся безнадёжным, иностранный пароход «Алкаид», в Каспийском море поднят пароход «Стенька Разин». Сегодня, в 2 часа дня, «Садко» на буксире пароходов «Совнарком» и «Ленин» отведен к о. Богомолиха, где в кратчайший срок будет заделана пробоина, и пароход последует в Архангельск. После ремонта «Садко» поступит в распоряжение Главного управления Севморпути для новых славных побед во льдах Арктики. Да здравствует наш вождь – Центральный Комитет партии во главе с тов. Сталиным! Да здравствует правительство Советского Союза! Нач. ЭПРОН Крылов. Нач. Северного округа Васин. Производители работ: Симонов, Лавров, Памаин».

В тот же день из Москвы пришла ответная депеша. «Кандалакша. Нач. ЭПРОНа Крылову. Поздравляем героических работников советской подводной техники, краснознамённых эпроновцев с новым блестящим трудовым успехом – подъёмом с морского дна ледокола «Садко». Эта ваша победа, одержанная в тяжёлых условиях холодного Севера, является выдающимся образцом большевистской работы. Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов. Янсон». А в популярном тогда журнале «Карело-Мурманский край» [1933. № 7-8, с. 71] появилась информация: «Героическая работа ЭПРОНа по подъёму «Садко» протекала в обстановке самого пристального внимания широких кругов пролетарской общественности. Место работ посетил ряд советских писателей, которые отобразят в своих произведениях этапы борьбы и побед Краснознамённого ЭПРОНа за полярным кругом. На снимке – писатели Вяч. Шишков и А.Н. Толстой беседуют с Ф.И. Крыловым».

А вот фрагмент из воспоминания Н.Н. Никитина «А.Н. Толстой» (1957), в котором есть и строки о пребывании в Хибинах. «...В Толстом было много творческой энергии. Вспоминаю одну нашу поездку, после которой он собирался «отразить» жизнь водолазов. В этой же поездке он заинтересовался множеством превосходных вещей. И, что самое главное, именно в эти дни в нём, в его писательском арсенале, зародилось многое, касавшееся русского Севера, что и вошло впоследствии в роман о Петре, – люди, ощущения, пейзажи. Как же это было?

А.Н. Толстой, В.Я. Шишков и Н.Н. Никитин на Кольском полуострове

Мы едем вместе на подъём «Садко». Он, Шишков и я. Но ему мало было только этого подъёма. Он изменил весь маршрут, нарушил все планы начальника ЭПРОНа Ф.И. Крылова. Беломорканал, пристани, шлюзы, капитаны, чекисты, заключённые, консервные фабрики Кандалакши, океанографические станции, совхоз «Имандра», опытные полярные поля, Хибин, апатиты, горнорабочие, инженеры, старообрядческие деревни на Выге – всё необходимо ему, кроме водолазов и кроме подъёма парохода, затонувшего ещё в годы первой империалистической войны.

Он как металлург говорит о горных породах с геологами и с академиком Ферсманом. Со старухами крестьянками в деревнях беседует о старой вере, двуперстии, покупает медные иконы, отлитые здесь несколько веков назад, ходит на охоту, ловит форель, участвует в литературных вечерах... В.Я. Шишков еле дышит, а Толстой засыпает сразу, как ребёнок, и встаёт с прекрасным цветом лица. Каждый день он обмывается с головы до пят, встаёт раньше всех и, фыркая над ведром, будит Шишкова своей обычной, постоянной шут-

кой: «Работать!.. Вячеслав!.. Работать!..» Так всегда начинался толстовский день.

А по вечерам, когда вся наша бригада выматывалась от бесконечных встреч, разговоров, разъездов, неутомимым оставался только Толстой. «Едем в клуб! – кричит он. – Там нас ждут...» «Нас никто уже не ждёт... Скоро десять часов вечера... Кто будет ждать?» Он негодует: «Спать, что ли? За этим приехали?» Он достаёт дрезину, и мы несёмся в Хибин со ст. Имандра. Он оказался прав. В маленьком, тогда ещё деревянном клубе не только яблоку, но даже булавке негде было упасть. Как торжествовал Толстой... Это был замечательный вечер. А когда мы возвращались на ночлег, Толстой всю дорогу спорил с главным геологом Хибин о магме... Он многое знал... Это был талант, вечно ищущий нового.

...Тут же, то есть среди всех этих многообразных интересов, зреют в нём мысли и, очевидно, возникают подробности петровской эпохи, подробности о скитах петровского времени, о старцах, о петровских людях, шедших в глубь этих таёжных северных лесов, чтобы рушить старое и поднимать новое.

Помню Толстого в кожаном пальто, в военноморской фуражке, подаренной ему Ф.И. Крыловым. Её он всегда носил в этой поездке. И ею даже гордился. Мы плывём на маленьком гидрографическом судне среди шхер Заонежья. Толстой часами разговаривал с матросами и капитаном корабля о путях Петра в этой глуши. Помню, как он стоял, опираясь на поручни, смотрел на маленькие острова и зеркальные протоки, по которым мы шли, как с берега, с подлеска, вплотную подбежавшего к воде, сильный ветер бросал на палубу охапками осеннюю листву, багряную и золотую, с осин и берёз.

Он жадно смотрел, как будто впитывая в себя каждую деталь пейзажа. Он обратил моё внимание на ряд старинных, уже разрушившихся от времени построек. «Здесь чувствуется Пётр, его рука... – тихо говорил Алексей Николаевич, чуть прищурясь и точно уже прощупывая глазами свои будущие страницы, точно читая ещё ненаписанное. – Да, всё это началось, конечно, при нём...» Так рождался роман о Петре.

Только однажды он как бы «поддался» в этой бурной поездке, у него поднялась температура – это было на станции Академии наук в Хибинах. Он лежал на койке. «Сегодня мне пятьдесят лет...» – сказал Алексей Николаевич, когда я пришёл навестить его. В ту пору этого никто не отметил. Ни письма, ни телеграммы он не получил даже из дому. И я понял, что ему просто взгрустнулось. «Полвека – это цифра...» – сказал он, немножко

А.Н. Толстой в фуражке, подаренной Ф.И. Крыловым. Кольский п-ов, 1933 г. A.N. Tolstoy in car presented by F.I. Krylov. Kola Peninsula, 1933.

Статья Л. Ошанина «Общественность Хибиногорска предъявляет счёт советской литературе. За вами слово, гг. Толстой, Шишков и Никитин» в газете «Хибиногорский рабочий» № 200 (655) от 30 августа 1933 г. Article by L. Oshanin «Community of Khibinogorsk demands Soviet literature to pay. We give you floor, comrades Tolstoy, Shishkov and Nikitin» in «Khibinogorsky Rabochy» newspaper No. 200 (655) as of 30 August, 1933.

надув губы. А утром он был уже здоров и опять всех будил. А на разработках в штольнях апатита интересовался каждой мелочью работы, всем рабочим процессом и разговаривал с рабочими как инженер. Это был неутомимый талант...

Что трогает во всей этой истории? Многое. И то, что около 100 лет назад наши водолазы опускались на глубины более 100 метров. И то, что мы спасали чужие корабли и подводные лодки, а не

они – наши. И то, что наши выдающиеся писатели искренне интересовались освоением Крайнего Севера. И то, что А. Толстой вынашивал главы «Петра Первого» здесь, на кольской земле. И то, что наши предки всем этим гордились... Кажется, с литературным жанром социалистического реализма ушло что-то неизмеримо более важное.

Ю.Л. Войтеховский, д.г.-м.н., проф., Апатиты
Е.Н. Шталь, Кировск